

низационной аморфности движения. Групповое структурирование правозащитного движения сопровождалось нарастанием в его деятельности политических приоритетов. Власти ответили усилением репрессий. Для борьбы с инакомыслием в составе КГБ было заблаговременно сформировано пятое Главное управление. К 1984 г. усилиями «компетентных органов» движение диссидентов было практически сведено на нет. Около тысячи человек, до 90% активистов, оказались в тюрьмах, лагерях, спецбольницах (7).

Во второй половине 80-х гг. начался новый этап инакомыслия и диссидентского движения в СССР. Оно уже не носило преимущественно правозащитного характера. Старое диссидентско-правозащитное движение слилось с новыми общественными группами, политическими клубами, а затем – народными фронтами. Одновременно начался процесс становления многопартийной системы, функции многих политических партий стали выполнять «неформальные» общественные организации. Инакомыслие и диссидентское движение перешло на новый уровень, обрело другие формы.

1. См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Данилов А.А. История инакомыслия в России: советский период. 1917-1991 гг. Учебное пособие. Уфа, 1995.

2. Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 90-х гг. Учебное пособие. М., 1994. С. 15; Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 493; и др.

3. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Предисловие к третьему русскому изданию // Погружение в трясину. (Анатомия застоя). М., 1991. С. 650.

4. Богораз Л., Даниэль А. В поисках несуществующей науки // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон. 1993. № 37-38. С. 145.

5. Зубкова Е.Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 284-320; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993. С. 16-102; Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Ч. 2. С. 430-432.

6. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Бенсон. 1994. С. 325.

7. Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Ч. 2. С. 530.

Протасова Э.Е., Суворов М.В.

Репрессии против учителей Урала в 1937-1938 гг.

Репрессии против педагогических кадров на Урале в 1930-е гг. не были еще предметом специального научного исследования. Данные, характеризующие масштабы репрессий против просвещенцев появились совсем недавно. Впервые информация о так называемом «деле 33 учителей Свердловской области», обвиненных в 1937 г. в срыве всеобщего вредительства прозвучала в книге А.И. Солженицина «Архипелаг ГУЛАГ» в начале 1990-х гг. (1). Снятие грифа «секретно» с архивных материалов привело к возможности обратиться к этой проблеме.

Источники показывают, что репрессивная политика по отношению к просвещенцам проявлялась и до 1937 г., но в 1937-1938 гг. она стала носить массовый характер. В 1937-1938 гг. были репрессированы руководители народного образования на Урале, обвиненные во вредительстве, «срыве» всеобуча. Руководитель Облоно И.А. Перель обвинялся в связи с «врагами народа», в умышленном срыве всеобуча и отсева учащихся из школ. Полностью были обновлены составы Облоно, многих районных отделов народного образования. Большая часть назначенных вновь заведующих районо имели лишь начальное образование, в лучшем случае семилетнее. Главным критерием при назначении таких руководителей становились не педагогическое образование и практический опыт работы, а политическая благонадежность. За шесть месяцев 1938 г. в Алапаевском районе сменилось пять заведующих районо (2). Обновленный состав органов народного образования должен был обеспечить выполнение всеобуча на местах любой ценой, хотя во многих случаях профессиональный уровень новых управленцев не позволял справиться со сложными обязанностями. Серьезной помехой в работе был и страх перед возможным репрессированием. В докладной записке заведующего Егоршинским районо, составленной в 1938 г., содержится просьба прислать помощь из центра, так как он не может справиться с многогранной, очень ответственной работой, не имея ни общего образования, ни профессионального опыта (3). Подобная ситуация сложилась и в Туринском районе. Заведующий районо Н.И. Томилов так же был обеспокоен своей судьбой. В обращении к вышестоящей инстанции он писал, что вынужден руководить 89 школами, хотя закончил только 4 класса сельской школы. На учительской работе никогда не работал. Соответственно у него нет ни опыта, ни образования, чтобы руководить районным отделом народного образования (4). Необоснованные увольнения, кадровые перестановки, репрессии еще больше затрудняли работу. Страх заставлял идти на фальсификацию отчетов перед вышестоящими партийно-государственными органами.

Репрессии коснулись просвещенцев разного уровня, не только руководителей народного образования, но и простых учителей. Даже такие явления как второгодничество и неуспеваемость в школах партийно-государственные органы чаще всего пытались объяснить социальным происхождением учителей, враждебным отношением последних к Советской власти. В Осинском районе Свердловской области в 1937 г. «социально чуждыми» были объявлены учителя Козловский, Старцева, Шеломова, за что их уволили с работы (5). Дело учителей Смородины и Катериночкина очень показательны в этом случае. И.А. Смородине, работавшему в школе села Большая Сосновка Сысертского района, 25 ноября 1937 г. были предъявлены абсурдные обвинения «во вражеской вылазке». Обвинения учителю, проработавшему в школе 45 лет, состояли в том, что

он «вводил черновые тетради, заставлял отвечать хором, чтобы скрыть отстающих учеников», а указания получал непосредственно от заведующего облоно И.А. Переля (6). Смородина был снят с работы. Подобные факты были типичными.

Трудно установить точное количество репрессированных учителей на Урале в 1937-1938 гг. Архивные документы свидетельствуют о том, что практически в каждом районе Урала учителя разоблачались как «враги народа», и многие из них были репрессированы без судебного разбирательства, на основе анонимных доносов. Арестовывали, как правило, по обвинению в причастности к контрреволюционной организации, ведении антисоветской пропаганды и агитации, шпионаже. Дела рассматривались тройками НКВД. Все учителя осуждены по 58-й статье. Чаще всего судьба таких учителей заканчивалась трагично: высшая мера наказания - расстрел, с конфискацией имущества, в лучшем случае 10 лет лагерного режима. Примером может служить судьба учительницы начальной школы Фокушевой Клавдии Георгиевны, 1893 г. рождения, жены бывшего белого офицера. Ее обвинили в причастности к мнимой диверсионной контрреволюционной организации, существовавшей в селе Горохово Первоуральского района Свердловской области. По протоколу допроса организация вела подготовку вооруженного восстания против советской власти и диверсионных работ на железной дороге, одновременно во время сельскохозяйственных уборочных работ портили сельскохозяйственные машины. Организация ставила своей целью свержение Советской власти. Учительница К.Г.Фокушева виновной себя не признала. По постановлению тройки УНКВД Свердловской области ее расстреляли (7). Учителя биологии и химии Костылева Василия Павловича, занимающего должность завуча в неполной средней школе Ирбитского завода Свердловской области обвинили в контрреволюционной деятельности, которая выражалась в низкой успеваемости учеников, срыве ремонта школы (8). По приговору тройки УНКВД Свердловской области В.П.Костылев был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Террор со стороны правоохранительных органов, направленный против просвещенцев дискредитировал Конституцию СССР 1936 г. Были преданы забвению законность, права человека. На протяжении 1930-х гг. ускоренными темпами создавалась сеть профессиональных учебных заведений для подготовки педагогических кадров, однако масштабы репрессий в сфере народного образования практически сводили на нет огромные государственные затраты на подготовку просвещенцев. Изъятие опытных педагогических кадров из системы образования еще больше усугубляло проблему с кадрами, что сказывалось на качественной стороне образования. Репрессии не могли дать положительных результатов. Полоса беззакония имела отрицательные последствия в сфере образования на многие годы. Страх, пережитый людьми в эти годы, привел к не-

доверию, подозрительности людей друг к другу, доносите́льству, деформировал психологию не только педагогов, но и учащихся. Искоренялось уважение к человеку как личности.

1. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М, 1992.
2. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.483. Л.34; Д.486. Л.79.
3. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.337. Л.337
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.338. Л.61.
5. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.337. Л.154.
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.350. Л.1, 61.
7. УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.33020. Л.1, 25, 26, 28.
8. УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.33381. Л.22, 30.

Пузанов В.Д.

Кочевые миграции на сибирском юге (XVII – XVIII вв.)

Кочевые племена Азии сыграли важную роль в истории традиционных обществ Востока и Европы. Их передвижения нередко становились причиной распада окружающих государств и началом новых этапов в истории оседлых народов (например, в эпоху Великого переселения народов). Территория Западно-Сибирской равнины примыкает к одному из отрезков т. н. Великой степи, которая обычно называется восточный Дешт-и-Кипчак (между Аральским морем, оз. Балхаш, р. Сыр-Дарьей, Яиком, верховьями Тобола и Ишима).

Географически именно степь Дешт-и-Кипчак является ключевой территорией к Западно-Сибирской и Туркестанской равнинам. Владение ей обеспечивает выход в степные и лесостепные пространства Тобола, Ишима и Иртыша, что дает возможность контролировать остальную Западную Сибирь. Одновременно та же степь позволяет легко выйти практически к любому пункту на р.Сыр-Дарье вплоть до Ташкента, а из Приаралья и к Аму-Дарье – к Ургенчу, Хиве и далее. Все эти преимущества могут быть достигнуты только при условии создания в Дешт-и-Кипчак достаточно жизнеспособного кочевого государства, обладающего значительными резервами хорошо обученной конницы – оптимального рода войск для данной местности. В случае неспособности кочевников к подобному политическому объединению Дешт-и-Кипчак из ключевой становится уязвимой территорией, открытой для вторжения из любого из расположенных рядом государств. Пользуясь уязвимостью кочевий при нападении они могут диктовать кочевым племенам свою волю.

Геополитические факторы предопределили развитие этнической истории региона. Кочевые союзы, сменяющие друг друга в Дешт-и-Кипчак, оказывали определяющее влияние на племена Западной Сибири. Побежденные орды кочевников бежали в степи Восточной Европы или отступали на север в лесостепи Сибири и Урала. Там остатки различных тюркских кочевых племен, вытесняя в леса и ассимилируя местное финно-